

Издательский проект
«Русская перспектива»

Б.Ф. Поршнев

**Тридцатилетняя война
и вступление в нее Швеции
и Московского государства**

Москва

Т8

2014

УДК 373.167.1

ББК 63.3(2)

П60

Поршнев Б.Ф.

П60 Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства / Б.Ф. Поршнев — Подготовка макета Москва: Т8, 2014. — 436 с. — («Русская перспектива»)

ISBN 978-5-519-03225-4

Переиздание классического труда выдающегося советского историка Бориса Федоровича Поршнева. В этой книге рассматриваются сложные проблемы социальной, политической, дипломатической, военной истории европейских государств накануне и на первых этапах Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) — первой всеевропейской войны, разразившейся на рубеже средних веков и нового времени и проходившей на фоне широких народных движений этой переходной от феодализма к капитализму эпохи. По-новому используя широкий круг источников, в том числе богатые материалы русских архивов, Б.Ф. Поршнев показывает место России в системе европейских государств того времени, ее роль в истории Тридцатилетней войны.

УДК 373.167.1

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-519-03225-4

© Б.Ф. Поршнев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга входит в состав трилогии. По замыслу автора, три монографии должны составить единое исследование системы европейских государств в эпоху Тридцатилетней войны¹. Случилось так, что раньше других, в 1970 г., вышла в свет третья, т. е. хронологически заключительная, часть — монография «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.». Теперь в руках читателей первая книга.

Темой второй по своему месту в трилогии (и в основном подготовленной) монографии является кризис и перелом в отношениях между Западной и Восточной Европой и вместе с тем в судьбах общеевропейской войны. Ее главные разделы: I. Крестьянско-казацкое восстание в Московском государстве, именованное «балашовщиной» (1633—1634 гг.)²; II. Поляновский мир 1634 г.³, кризис русско-шведских отношений и Штумсдорфский мир 1635 г.⁴, открытое вступление Франции в войну с Габсбургами; III. Эпопея Жака Русселя⁵, католицизм, протестантизм,

¹ Резюме исследования было мною доложено еще на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме в 1960 г. См.: XI-e Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, 21—28 août 1960, Rapports, IV: Histoire moderne. Uppsala, 1960, p. 136—163; рус. пер.: Политические отношения Западной и Восточной Европы в эпоху Тридцатилетней войны. — «Вопросы истории», 1960, № 10. Однако завершение труда затянулось на многие годы.

² Опубликованные отрывки: 1. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. — «История СССР», 1957, № 5; 2. Развитие «балашовского» движения в феврале—марте 1634 г. — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963.

³ Опубликованный отрывок: На путях к Поляновскому миру 1634. — «Международные отношения, политика, дипломатия XVI—XX вв.» Сб. статей к 80-летию акад. И. М. Майского. М., 1964.

⁴ Опубликованы тезисы прочитанных докладов: 1) Шведское посольство в Москву в 1634 г. — «Тезисы докладов второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии». М., 1965; 2) Штумсдорфский мир 1635 г.: его историография и историческое значение. — «Тезисы докладов 4-й Всесоюзной конференции по истории Скандинавских стран». Петрозаводск, 1968, ч. 1.

⁵ Опубликован отрывок: Из истории русско-французских связей в эпоху Тридцатилетней войны. — «Французский ежегодник, 1958». М., 1959; см. также специальный § 4 — «В масштабе индивидуальной жизни» в заключительной части книги «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.»

православие и ислам, борьба за объединение против католицизма остальных христианских церквей в 30-х годах XVII в.; IV. Место и роль Турции в восточноевропейской и западноевропейской политике в 30-х годах XVII в.

Это резюме второго звена трилогии совершенно здесь необходимо как мысленный мост между предлагаемой книгой и той, которая вышла в 1970 г. и которая касается уже 40-х годов XVII в.

В возникновении и в судьбе всего труда в целом особую роль играла тема о роли России, т. е. русской дипломатии и так называемой Смоленской войны 1632—1634 гг., в истории Тридцатилетней войны. Автор принял на свои плечи все незавидное бремя первооткрывателя. . . Мое заявление об обоснованности такой исследовательской темы встречало скептическое отношение. Я же со своей стороны видел не только перспективность темы, что вполне подтвердилось последующими разысканиями по архивным и опубликованным источникам, но меня в научной деятельности всегда манила и та сторона, которая называется первооткрытием. Да, историографическая традиция исключала и делала как бы невероятным соединение этих двух сюжетов. Максимум, что допускал шаблон для XVI—XVII вв., — это изучение торговых связей русских купцов с западными.

О существенном воздействии военно-политической силы Московского государства на Западную Европу не могло быть и речи. Нетрудно видеть, что покуситься на эту традицию и солидно обосновать свое покушение значило действительно сделать открытие. Оно рождалось в моем сознании в процессе сопоставления и выявления новых и новых документальных данных, но нельзя упустить и того, что оно было зачато в годы великого исторического столкновения нашей страны с нацистской Германией — преемницей всего реакционного, что накапливалось в многовековой прошлой германской истории⁶. Именно переосмысление в годовые годы войны «русско-германской» исторической темы поощрило, в частности, и пересмотр проблемы «Россия и Тридцатилетняя война» (как, впрочем, и ряда других вопросов о месте России в историческом прошлом среди европейских политических сил).

Если бы надо было дать общее заглавие моей трилогии, я позаимствовал бы для такой цели название одного из разделов вступительной части третьей книги, а именно: «Мыслима ли история одной страны?» Эпоха Тридцатилетней войны — всего лишь некоторый исторический факт, служащий своего рода экспериментальным материалом для рассмотрения этой темы. Следова-

---

⁶ См.: *Поршнева Б. Ф.* Завоевательные авантюры в истории Германии и гитлеровщина. — «Большевик», 1943, № 14; *Porschnev B. F.* Über die gewissen Tendenzen in der deutschen Geschichte. — «Sowjetliteratur», 1947, N 1.

тельно, в плане сложившейся к тому времени системы европейских государств вслед за заглавием мог бы стоять подзаголовок: «На примере эпохи Тридцатилетней войны».

Чтобы сама идея «системы государств» была соотносима с конкретной исторической действительностью, надо было со всей возможной полнотой показать неистинность традиционных, привычных, незамечаемых рассечений и противопоставлений. Так, в третьей книге была продемонстрирована ложность почти общепринятого мнения о взаимном безразличии и пропасти между французской Фрондой и Английской революцией. Однако сложнее и перспективнее оказалась задача засыпать пропасть между политической историей России и остальной Европы, словом, «воссоединить Европу» применительно к избранному времени — ко второй четверти XVII в. Слово «воссоединить» употреблено здесь отнюдь не в том смысле, который исключал бы рассмотрение антагонизмов и конфликтов, но в смысле научного охвата всего этого объекта в целом. История исторической науки в силу разных причин привела к значительному отщеплению истории России от «всеобщей истории». Особенно остро это видно применительно к такому относительно раннему времени, как XV—XVII вв. . . . Преодоление традиционного обособления России от Европы необходимо означало бы пересмотр и обогащение самих методов историка, особенно историка международных отношений. Таким образом, теоретический поиск и конкретно-исторический очень отчетливо взаимодействуют как раз в данной ситуации — при преодолении искусственного раздела исторической науки на «всеобщую» и «отечественную».

Есть и некоторые специальные методические трудности, с которыми я встретился, обратившись к занятиям «русистикой». В частности, вот одна из них, довольно характерная. Западные историки отнюдь не считают ненаучным, цитируя тексты XVI—XVII вв., несколько модернизировать их язык, как и орфографию. Такое цитирование источников в общем является общепринятым, в том числе даже в самых академических сочинениях историков. К тому есть веские причины. То, что было нормой на прошедших этапах истории того или иного языка, не исчезает вовсе, уступая место новым нормам, но очень долго сохраняется в малообразованных и периферийных общественных кругах. Поэтому устаревшие тексты невольно воспринимаются нами несколько свысока: они ассоциируются с современными архаизмами и провинциализмами. Образ автора текста помимо нашего сознания из «старого» превращается в «старомодный», мы снисходительно прощаем ему какую-то недостаточную образованность, неумелость и провинциальность, либо, напротив, смешноватую манерность. Ничего этого на самом деле не было в рамках языковой культуры своего времени. Западные историки не хотят, чтобы читатель ощущал своих предков как «наивных» — они переводят его речь на язык современного передового человека. Никто не усматривает в этом нару-

шения интересов исторической науки, и только филологическая наука заинтересована в интактных древних текстах. Упорство «русистов», оправдываемое академизмом, делает историю России прошлых веков несколько дикой. Иные специалисты замечали этот психологический крен и пробовали перешибить традицию цитирования, противопоставляющую в восприятии читателя умному автору курьезного предка. Так, М. Н. Тихомиров пришел к выводу о назревшей необходимости цитировать древнерусские тексты в исторических сочинениях (разумеется, речь не идет об археографических изданиях) в переводе на современный русский язык, но не встретил понимания... Разумеется, перевод старых текстов на современный русский требует не максимализма, а минимализма и величайшей осмотрительности, но сказанное объясняет, почему я присоединился к М. Н. Тихомирову (с которым мы обсуждали этот вопрос) и предлагаю читателю все цитаты из русских документов XVII в. в минимально модернизированной редакции или с приведением в скобках параллельных оборотов.

Этот текстологический вопрос — только малая иллюстрация к обильным трудностям, возникающим перед историком, восстанавливающим место России в системе европейских государств.

Для такой задачи мною не случайно выбрано время Тридцатилетней войны. Она была первой всевропейской войной. По крайней мере, начавшись как одна из «религиозных войн», она к началу «шведского периода» выявила лежавшие в глубине общеевропейские политические противоречия и вовлекла участников, все менее олицетворявших те или иные церковные тенденции. Тем самым Тридцатилетняя война очень важна для исторического уяснения понятия «Европа».

Следует в то же время напомнить, что Тридцатилетняя война не была обособленным или вновь возникшим историческим явлением. Она входит в комплекс других предшествующих вооруженных конфликтов, служивших отражением в политической международной сфере глубинных и коренных процессов генезиса капитализма в недрах феодальной Европы. Несколько глубоко различных войн предшествовали Тридцатилетней и исторически подготовили ее или влились в нее. Это прежде и более всего война Нидерландов за независимость против Испании. Война, начавшаяся с Нидерландской революции и закончившаяся с Вестфальским миром. Другой корень — средиземноморские военные конфликты конца XVI—начала XVII в., где ключевым был вопрос борьбы за Средиземноморье между Турцией и Испанией, а также Австрией, итальянскими торговыми республиками, Францией. Далее, это военный комплекс борьбы за Балтийское побережье. И наконец, это русско-польские военные столкновения, в основном на почве борьбы за украинские, белорусские и западнорусские земли.

I

ЕВРОПА

Тридцатилетняя война была первой собственно европейской войной, т. е. войной не двух-трех держав, а почти всех стран Европы, объединенных в две мощные коалиции.

Главным стержнем, вокруг которого группировалась совокупность европейских политических проблем XVII в., стал вопрос о Габсбургской империи, или, по терминологии современников, об Австрийском доме. Именно этот центральный вопрос решался в первую очередь на полях Тридцатилетней войны¹. Габсбургская проблема имела в свою очередь две стороны: западноевропейскую и восточноевропейскую.

В Западной Европе в течение почти полутора столетий до Вестфальского мира, т. е. с начала XVI в., международная жизнь наполнена борьбой двух политических концепций, двух государственных систем.

Одна из них неразрывно связана с именем Габсбургов. Это — концепция единой империи, объединяющей ряд европейских стран, в перспективе же — всю Западную Европу, да еще и с ее только что возникшими заокеанскими колониями. Во главе всемирной империи стоит поддерживаемый папством католический германо-римский император, а все государства — члены империи — являются его вассалами. Такая система политической организации Европы далеко не была абстракцией, пустым отголоском средневековых традиций и схоластических учений о всехристианском государстве. Империя Габсбургов, охватившая с 1519 г. (со времени восшествия на императорский престол Карла V) огромную часть Западной Европы — Германию, Нидерланды, Франш-Конте, Испанию, Южную Италию, а несколько позже захватившая или поставившая под свой контроль почти всю Италию, на короткий срок² втянувшая в свою орбиту также Англию, — была

---

¹ Указания на новейшую литературу и обзор источников по истории Европы в период Тридцатилетней войны см. в кн.: *Documenta bohemica bellum tricennale illustrantia*. Hauptredaktion: J. Kočí, J. Polišenský, G. Čechová, t. I. J. Polišenský, *Der Krieg und die Gesellschaft in Europa 1618—1648*. Praha, 1971.

² Во время царствования Марии Тюдор (1553—1558 гг.) (*Ред.*).

на протяжении нескольких десятилетий грозной политической реальностью, хотя обосновывавшая ее средневековая теория об «универсальной монархии» и являлась реакционной утопией. После же распада в 1556 г. этой «наднациональной» габсбургской державы политической реальностью в течение еще ряда десятилетий оставались упорные и довольно мощные усилия, направленные к ее возрождению.

В ожесточенной борьбе с этой концепцией формировалась и крепла вторая: концепция национального абсолютизма. Исторической предпосылкой ее был многовековой процесс складывания европейских национальных государств и возвышения королевской власти, в особенности во Франции и в Англии. Франция, в первой половине XVI в. со всех сторон окруженной владениями Карла V, лишь в результате сорокалетних войн удалось к 1559 г. отбиться от смертельных объятий Империи³. В борьбе сохранила она свою национально-политическую независимость, а вместе с тем и свой абсолютистский порядок. Около того же времени, с воцарением (в 1558 г.) Елизаветы, вырвалась из-под габсбургского влияния и Англия. На многие десятилетия важнейшей внешнеполитической задачей этих абсолютистских держав становится ликвидация наследия Империи Карла V и противодействие ее возрождению.

Обе эти концепции уходили своими корнями глубоко в почву средневековья. Но в то же время обе являлись детищем новой эпохи. Обе системы были построены из материалов, выработанных прошлыми веками. Но и та и другая представляли два разных ответа на один и тот же вопрос, вставший перед феодальной Европой только к началу XVI в.

Речь идет об основном факте внутреннего, социально-экономического развития европейских стран в это время: о буре, внесенной в их прежнюю жизнь зарождением капитализма. XVI и первая половина XVII в. были для Европы временем генезиса капитализма, или, словами Маркса, началом капиталистической эры. Подспудно, в глубине, постепенно совершались важные экономические процессы. Недра царившей многие века системы хозяйственной жизни обрели завязь того нового, что будет отныне все настойчивее проявлять себя, колебать экономическую рутину, продалбливать старую оболочку. Этим новым была мануфактура — первое проявление перехода от мелкого производства к крупному, от феодальной формы эксплуатации труда — к капиталистической. Как ни был поначалу незначителен этот эмбрион, его наличие явилось потрясением всего материнского организма. Не только в экономике происходили скрытые от широких взглядов изменения, но и вся социальная и политическая жизнь, а вместе

---

³ Имеются в виду окончание Итальянских войн, заключение мира в Като-Камбрези, укрепление восточной границы Франции (приобретение трех важнейших крепостей в Восточной Лотарингии — Меца, Туля и Вердена) (Ред.).

с тем религиозное и светское общественное сознание в XVI—первой половине XVII в. бурно отражали это затаенное зачатие. То была лишь самая заря буржуазной эры, но в свете ее особенно резки были контрасты старого и нового, особенно поразительны светотени. Гигантские революционные силы скопились к этому времени в недрах феодального общества. Появление класса буржуазии тотчас придало новый смысл и новую мощь традиционным антифеодальным крестьянско-плебейским движениям. Последние полтора десятилетия XV в. в Европе уже настолько полны раскатами революционного грома — от бунта Савонаролы во Флоренции до демократических восстаний во фландрских городах, от крестьянской жакерии в Каталонии до выступлений союза «Башмака» в Эльзасе, — что очистительная гроза казалась не за горами. Идеологи гуманизма и проповедники Реформации повсюду «очищали умы» от груза прошлого. Словом, если историк знает, что феодальный мир нашел в себе силы еще два-три столетия маневрировать и отступать с боями, то современники в начале XVI в. могли ощущать лишь отдаленное приближение бури.

Вот на эту-то угрозу политические руководители класса, господствовавшего при феодализме и еще не собиравшегося сдаваться, нашли два разных ответа. На атаку можно было отвечать или контратакой, или обороной.

Стратегия контрнаступления означала, прежде всего, как можно более широкое сплочение всех наличных сил.

Французский политический деятель и дипломат времен Франциска I, президент Жан де Сельв уже выдвинул — впервые в истории — проект «священного союза» государей против народов для предохранения Европы от всеобщего потрясения. Однако в тех исторических условиях это средство было и неосуществимо и недостаточно.

Общеввропейская революционная угроза требовала подлинно общеевропейского единого фронта феодальной реакции, т. е. не только устранения межгосударственных противоречий, но и такого нового политического порядка в Европе, который давал бы возможность централизованно маневрировать военно-полицейскими силами, перебрасывать их туда, где они в данный момент нужнее. Эта затея феодальной реакции и облеклась в привычную средневековому мышлению форму всекатолической «империи», благо на исторической сцене еще фигурировал оставшийся от седой старины титул римского императора, в то время традиционно присваивавшийся австрийским князьям Габсбургам. Правда, для осуществления «наднациональной» империи в XVI в. надо было пожертвовать плодами предшествовавшего исторического процесса — успехами национального развития европейских народов. Но реакция и намеревалась повернуть вспять колесо истории.

Естественно, что Карлу V Габсбургу удалось соединить под своей властью те страны Европы, в которых национальное един-

ство еще не было по той или иной причине достигнуто в полной мере, — Германию, Испанию, Нидерланды, Италию. Мало того, легкость, с которой Максимилиан I и Карл V — почти без войн, одними династическими браками — добыли короны нескольких стран, свидетельствует о том, что правящие круги этих стран в общем сами горячо хотели осуществления «империи». В самом деле, в этих странах уже зрели, уже стояли в порядке дня самые ранние в Европе попытки буржуазно-демократических революционных движений: в Германии накапливались предпосылки Великой крестьянской войны 1525 г.⁴, в Испании в 1520—1522 гг. разразилось восстание комунерос, в Нидерландах с конца XV в. то и дело вспыхивали зарницы той революции, которая разразилась во второй половине XVI в.⁵

Поучительна история завоевания Карлом V Северной Италии. Слепые бунты плебейства в городах, массовые действия партизан, которых именовали «бандитами», настоящее полководье различных ересей и сект — все это рисует Северную Италию в начале XVI в. как пороховой погреб. Тщетно мечтали политики вроде Макиавелли о создании общеитальянского абсолютизма, о беспощадной и мощной диктатуре, которая предотвратила бы катастрофу: ни один из мелких государей, ни одна из правящих клик в раздробленной Италии не желали поступиться своим самовластием, хотя и видели опасность. Они в большинстве нашли выход в том, что предали национальные интересы Италии и сами открыли двери для интервенции Карла V, выговорив неприкосновенность своих прав и предоставив кровавую расправу с итальянским народом немецко-испанской армии.

Так сложилась реакционная Империя Габсбургов. Любопытно, что армия Карла V составлялась в основном из специфических войск, имевших первоначально чисто карательные-полицейские функции и воспитанных в соответствующем духе: из милиции испанской эрмандады и из немецкой «местной стражи» (ландскнехтов). Самого Карла V Маркс назвал «испано-габсбургским песом», появлявшимся всюду, где надо было кого-нибудь усмирять⁶. Действительно, мы видим его то ведущим из Германии 4 тыс. ландскнехтов в Испанию для наказания мятежных городов, то марширующим с войском из Италии в Нидерланды для расправы с восставшим Гентом, то собирающим в Испании солдат для карательной экспедиции в Германию, охваченную пожаром

⁴ *Смирин М. М.* К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969; *он же.* Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952.

⁵ *Чистозвонов А. Н.* Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964; *он же.* Гентское восстание 1539—1540 гг. М., 1957; *он же.* Характер анабаптистских выступлений в Голландии в 1534—1536 гг. и состав их участников. — В сб. «Средние века», 1962, вып. XXII.

⁶ См. «Архив Маркса и Энгельса», т. VII. М., 1940, с. IV—V.